

Т. Ф. ВОЛКОВА

«Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани

(К вопросу об историко-литературных особенностях
«Казанской истории»)

Взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. — событие огромной исторической важности — помимо Казанской истории, специально посвященной русско-казанским отношениям на протяжении трех веков, нашло отражение в целом ряде историко-литературных памятников XVI в., различных и по жанру, и по своей идеологической направленности: в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», вошедшем в состав летописных сводов второй половины XVI в. — Никоновскую, Львовскую, Типографско-Академическую летописи и Царственную книгу, в «Отрывке русской летописи» по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, в «Степенной книге царского родословия» и «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. Известны и отдельные произведения, посвященные взятию Казани. Это небольшие по объему сказания, близкие по характеру изложения материала к летописному повествованию. На три таких рассказа указал Г. З. Кунцевич.¹

В 1958 г. А. Н. Насонов сообщил еще об одном произведении,² ранее неизвестном исследователям, которое также рассказывало о событиях, связанных с завоеванием Казани Иваном Грозным.³ В 1962 г. текст этого произведения был им опубликован.⁴

Таков основной круг известных к настоящему времени памятников XVI в., содержащих рассказ о взятии Казани в 1552 г. Для исследования Казанской истории представляет большой интерес вопрос о месте ее в ряду названных произведений. Можно выделить три аспекта этой проблемы. Представляется важным, во-первых, определить, какие из этих произве-

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905 (далее: Кунцевич), с. 539—540; Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах. — ЖМНП, 1898, ч. 318 (июль), с. 134—135.

² «Сказание о велицей милости божии, еже всемилостивый богъ сотвори на рабъ своемъ благочестивом цари и великом князе Иване Васильевиче». Находится в рукописном сборнике второй четверти XVII в. (БАН, 32. 8. 3, л. 855—882 об.). Вторая часть этого произведения имеет особое заглавие: «Повѣсть како благочестивый царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии самодержецъ милостию всесильнаго бога и помощию и молитвами пречистыя владычицы нашей богородицы и приснодѣвы Марии, воеводѣ и заступнице Христьяном, и великихъ чудотворцовъ враговъ своихъ одолѣ и градъ Казань взялъ» (л. 871).

³ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, ч. VI. М., 1958 (далее: Материалы), с. 236—245. Благодарю Н. С. Демкову, обратившую мое внимание на эту публикацию.

⁴ А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 3—26. Для издания привлечен еще один список этого произведения середины XVII в.: ЦГАДА, собр. Оболенского, № 78/40.

дений и в какой мере были использованы автором Казанской истории как источник; во-вторых, исследовать особенности интерпретации в повести исторических событий, что позволит глубже проникнуть в идейный замысел Казанской истории, более четко охарактеризовать социально-политическую позицию ее автора; в-третьих, выявить своеобразие тех художественных средств и приемов, с помощью которых в Казанской истории ведется повествование о взятии Казани.

Из названных направлений к настоящему моменту наиболее разработано источниковедческое. Большая работа по выявлению источников Казанской истории в целом, а также по установлению ее текстуальной соотнесенности с историческими и публицистическими памятниками XVI в. была проделана Г. З. Кунцевичем.⁵ В своей монографии, посвященной Казанской истории, Г. З. Кунцевич, комментируя каждую главу повести, приводит сведения о сходных с Казанской историей рассказах, содержащихся в различных летописях, Степенной книге, «Истории» Курбского и отдельных сказаниях о взятии Казани, но от выводов о том, какой именно из этих текстов послужил источником для автора Казанской истории, он, как правило, воздерживается, ограничиваясь констатацией того, что «сведения добыты (автором Казанской истории, — Т. В.) из различных источников и по большей части подвергнуты обработке». Сопоставительный материал приводится им лишь для того, чтобы дать представление «о возможной области заимствования».⁶ Трудность установления источников Казанской истории Г. З. Кунцевич объяснял тем, что под пером автора они подверглись «известной переработке».⁷

Тесную связь Казанской истории с исторической литературой и публицистикой XVI в. подтвердили и дальнейшие исследования Г. Н. Моисеевой, благодаря которым не только расширился круг известных источников Казанской истории,⁸ но был научно доказан факт их тенденциозной переработки «в свете отношений Грозного с феодальной знатью в 60-е годы XVI в.»⁹

Однако и собранный Г. З. Кунцевичем материал, и наблюдения Г. Н. Моисеевой — пока лишь основа для будущего исследования, задачей которого должно быть не только выявление всего круга источников Казанской истории, но и установление конкретных принципов их идейно-художественной переработки, проявляющейся и на сюжетно-композиционном уровне, и на уровне стилистического оформления отдельных фрагментов текста. Проблема эта представляется нам одной из важнейших при решении вопроса о художественном своеобразии Казанской истории.

Задача данной статьи — выявить некоторые приемы идеологической и художественной переработки автором Казанской истории одного из источников. Для сопоставительного анализа мы выбрали Сказание и Повесть о взятии Казани, опубликованные А. Н. Насоновым, имеющие в ряде случаев текстуальное сходство с Казанской историей. Это наименее изученные из всех известных историко-публицистических произведений XVI в., содержащих рассказ о Казанском взятии и созданных ранее Казанской истории (они датируются А. Н. Насоновым октябрем 1552 — июнем (или июлем) 1553 г.).¹⁰ Кроме А. Н. Насонова никто из исследова-

⁵ К у н ц е в и ч, с. 193—575.

⁶ Там же, с. 193.

⁷ Там же, с. 507.

⁸ Г. Н. Моисеева впервые указала, например, на связь Казанской истории с «Царевым государевым посланием во все его Российское царство на клятвопреступников его на Андрея Курбского с товарищи об их измене». См.: Г. Н. Моисеева. О некоторых источниках «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 187—197.

⁹ Казанская история. Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954 (далее: Казанская история), с. 13; см. также: Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 266—288.

¹⁰ Материалы, с. 242. Напомним, что время создания Казанской истории — 1564—1565 годы. См.: К у н ц е в и ч, с. 176—179; Казанская история, с. 20—21.

телей еще не привлекал эти памятники ни для анализа их текста, ни для сопоставления их с Казанской историей или другими литературными произведениями.

Прежде чем перейти к анализу Казанской истории в сопоставлении с текстом Сказания и Повести, коротко остановимся на их содержании и итогах проведенного нами вслед за А. Н. Насоновым текстологического изучения этих памятников в их соотнесенности, с одной стороны, с «Летописцем начала царства», с другой — с Казанской историей.

Первое произведение — Сказание — рассказывает о событиях, непосредственно предшествовавших осаде и взятию Казани. Оно состоит из двух больших фрагментов, имеющих свои заголовки. Первый фрагмент «Начало Свяяскому дѣлу» повествует о постройке в 1551 г. неподалеку от Казани русской крепости — города Свяяжска, о правлении в Казани Шигалея и новой измене казанцев, о решении Ивана Грозного выступить к Казани и взять город. Другой фрагмент — «Начало Казанскому и Крымскому дѣлу» — рассказывает о произошедшем в начале казанского похода столкновении московского войска с пришедшими на Русь крымцами.

Второе произведение — Повесть — посвящено описанию осады Казани, закончившейся взятием города.

А. Н. Насонов убедительно показал внутреннюю связь Сказания и Повести, позволяющую рассматривать их как единое произведение.¹¹ Характеризуя открытый им литературный памятник, исследователь уделит главное внимание вопросам его датировки и атрибуции. Время написания произведения определяется А. Н. Насоновым на основании заключительных слов Повести, где как о живой говорится о царице Анастасии (ум. в 1560 г.) и упоминается царевич Дмитрий (род. в октябре 1552 г., ум. в июне (или июле) 1553 г.). Таким образом, по мнению исследователя, Сказание и Повесть были написаны вскоре после описанных в них событий — между октябрем 1552 г. и июлем 1553 г.¹²

Происхождение этого сочинения А. Н. Насонов связывает с литературной деятельностью книжников Троице-Сергиева монастыря и высказывает гипотезу о причастности к его созданию троицкого келаря Адриана Ангелова, очевидца осады Казани в 1552 г., имя которого упоминается в Повести.¹³

Вопроса о художественном своеобразии Сказания и Повести А. Н. Насонов почти не касается. Он лишь дает лаконичную характеристику найденным текстам: «Оба памятника, церковные по форме, несут по содержанию преимущественно светски-панегирический характер».¹⁴ Научная ценность этих памятников, по мнению А. Н. Насонова, определяется тем, что они, во-первых, расширяют наши знания о литературной деятельности Троице-Сергиева монастыря — крупнейшего культурного центра Московской Руси XVI в.; во-вторых, содержат материал для изучения источников Казанской истории, а возможно, и «Летописца начала царства»; в-третьих, могут быть использованы при изучении «развития политических идей того времени».¹⁵

Наибольший интерес для нашей работы представляют наблюдения А. Н. Насонова о сходстве отдельных мест вновь найденного памятника с Казанской историей и «Летописцем начала царства». Однако развернутое сопоставление этих произведений не входило в задачу исследователя: А. Н. Насонов лишь указал на сам факт наличия в Казанской истории и Летописце текстовых параллелей к троицкому тексту, привел несколько

¹¹ Материалы, с. 239—240.

¹² Там же, с. 242.

¹³ Там же, с. 241—243.

¹⁴ А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 7.

¹⁵ Материалы, с. 238.

примеров и высказал гипотезу, объясняющую эти совпадения наличием общего источника, с одной стороны, у «Летописца начала царства» и троицких памятников, с другой — у Казанской истории и троицкого сочинения.¹⁶

Мы продолжили работу А. Н. Насонова по сопоставлению Казанской истории и «Летописца начала царства» с троицким сочинением в трех направлениях: во-первых, выделили в этих памятниках все фрагменты, имеющие текстуальное сходство, и проанализировали разночтения текстуально близких фрагментов; во-вторых, сопоставили сходные фабульные ситуации и определили различия в их литературном оформлении; в-третьих, установили оригинальные места каждого произведения.

Не касаясь в данной статье подробно вопроса о текстуальной зависимости Казанской истории от «Летописца начала царства» и троицкого сочинения,¹⁷ приведем лишь основные выводы, к которым мы пришли в результате сопоставления текста этих произведений. Анализ показал, что «Летописец начала царства» послужил непосредственным источником для автора троицкого сочинения, а не наоборот, как предполагал А. Н. Насонов. Троицкий книжник последовательно сокращал текст Летописца, как бы стягивая его, но сохраняя при этом почти без изменений заимствуемые элементы текста. Автор Казанской истории в рассказе об осаде и взятии Казани войсками Грозного параллельно использовал текст обоих произведений — и Летописца и троицкого сочинения, в ряде случаев предпочитая тексту Летописца троицкий текст, если между последними были существенные стилистические различия. В тех же случаях, когда заимствуемые автором Казанской истории фрагменты из «Летописца начала царства» и троицкого сочинения оказывались текстуально близкими, автор Казанской истории создавал на основе обоих текстов свою компиляцию, содержащую элементы как троицкого текста, так и текста «Летописца начала царства».

Прежде чем обратиться к вопросу о принципах художественной переработки автором Казанской истории текста одного из этих двух источников — троицкого сочинения, охарактеризуем оригинальный материал обоих памятников. Сразу отметим, что в троицком сочинении сравнительно немного такого событийного материала, который в той или иной форме не присутствовал бы в сюжете Казанской истории. Напротив, Казанская история изобилует фактами, отдельными эпизодами и даже целыми микросюжетами, отсутствующими в троицком сочинении.

На оригинальность Казанской истории в изображении осады и взятия Казани Иваном Грозным по сравнению с другими историческими источниками XVI в. уже давно обратили внимание исследователи. Прежде всего она проявилась в необычном интересе автора повести к жизни осажденной Казани. На это впервые указал Г. З. Кунцевич.¹⁸ Г. Н. Моисеева опиралась на оригинальные фрагменты Казанской истории, рассказывающие о внутренней жизни казанского лагеря, при восстановлении литературной истории повести, рассматривая их как один из дифференцирующих признаков древнейшей редакции Казанской истории.¹⁹ Необычным для традиционного воинского повествования является и то, что автор Казанской истории неоднократно подчеркивает героизм, мужество и воинскую доблесть казанцев. Некоторые из этих эпизодов Казанской истории были

¹⁶ А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 6—7. В дальнейшем условным названием «троицкое сочинение» мы будем пользоваться в тех случаях, когда речь будет идти обо всем опубликованном А. Н. Насоновым произведении в целом.

¹⁷ Этот вопрос был нами подробно рассмотрен в первой главе кандидатской диссертации «„Казанская история“ и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.» и в специальной статье, подготовленной к публикации.

¹⁸ Кунцевич, с. 180—181.

¹⁹ Казанская история, с. 21.

привлечены Д. С. Лихачевым при исследовании им вопроса о литературном этикете и его постепенном «разрушении» в литературных памятниках XVI—XVII вв.²⁰

Данный материал Казанской истории требует специального изучения. Предварительные наблюдения позволяют сделать вывод о многозначности позиции автора по отношению к казанцам, что придает рассказу Казанской истории своеобразное, необычное для воинского повествования полифоническое звучание. Эти эпизоды дают материал для дальнейшей разработки одной из сложнейших проблем поэтики древнерусской литературы — проблемы постепенного разрушения той традиционной системы изобразительных средств, которая складывалась в русской литературе на протяжении первых веков ее существования.

В Казанской истории можно выделить еще две группы эпизодов, отсутствующих в троичном сочинении. Первую группу составляют картины природы Свияжского и Казанского междуречий и описание самой Казани с ее неприступными стенами и окружающими их стремнинами. Сюда же можно отнести и своеобразный топографический комментарий, которым автор сопровождает свой рассказ о продвижении русского войска к Казани. Наличие этих описаний в тексте Казанской истории свидетельствует о хорошем знакомстве ее автора с разнообразной географической литературой, широко распространенной на Руси в XVI в., и жанром хождений.²¹

Другую группу эпизодов Казанской истории, не имеющих аналогий в троичном тексте, объединяет образ Ивана Грозного, являющегося в них либо единственным, либо главным действующим лицом. Художественная задача этих эпизодов — формирование идеального образа царя-воина и царя-христианина. К этой группе можно отнести, например, эпизод, рассказывающий о неудачной попытке воевод уговорить царя снять осаду Казани и вернуться в Москву (центральное место в нем занимает страстная речь Ивана Грозного, содержащая своеобразный кодекс воинской доблести), и ряд других эпизодов, в комплексе создающих образ стойкого и непоколебимого царя-военачальника, самоотверженно исполняющего высокий государственный долг. В других эпизодах Казанской истории, также отсутствующих в троичном тексте, в Иване Грозном подчеркиваются черты идеального христианина — мягкосердечие, стремление предотвратить кровопролитие, милосердие к врагу (в Казанской истории трижды описываются безуспешные переговоры царских послов с казанцами о сдаче города, в которых тайно участвует сам Грозный, переодетый в костюм простого воина; в ряде эпизодов автор рассказывает об умирении царя при виде рыдающих на стенах города казанских женщин, о милости к ним Грозного после взятия Казани и т. д.).

Введение подобных эпизодов в рассказ Казанской истории о взятии города является, несомненно, результатом целенаправленной работы автора Казанской истории по отбору материала. Здесь налицо продуманная интерпретация фактов в свете конкретной авторской идеи — показать личные заслуги царя в деле покорения Казанского царства и оправдать его как христианина за пролитую им в Казани кровь.

В данной статье мы ограничимся лишь общей характеристикой оригинального материала Казанской истории, отличающего ее и от троичного сочинения, и от других литературных памятников XVI в., содержащих рассказ о взятии Казани. Подробный анализ данных эпизодов Казанской истории, определение их места и художественной функции

²⁰ Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, с. 102—107.

²¹ Этот вопрос более подробно был рассмотрен нами в статье «К вопросу о литературных источниках „Казанской истории“ («Казанская история» и жанр хождений)» (ТОДРЛ, т. XXXVI. М.—Л., 1981, с. 242—250).

в структуре авторского повествования — задача специального исследования.

Перейдем к анализу текстуально близких фрагментов Казанской истории и троицкого сочинения. Такие сходные фрагменты обнаруживаются не только между вторым троицким текстом — Повестью — и Казанской историей, на что обратил внимание А. Н. Насонов,²² но и между Сказанием и Казанской историей.

В Сказании почти дословно совпадают с текстом Казанской истории, во-первых, речь митрополита Макария, произнесенная им во время благословения Ивана Грозного церковным собором перед выходом его в Казанский поход, во-вторых, рассказ о прощании Грозного с царицей Анастасией, в-третьих, описание молебна в коломенском Успенском соборе, который царь посетил по прибытии в Коломну.²³

В Повести помимо указанных А. Н. Насоновым рассказов (о приходе троицких чернецов под Казань, о чудесах апостолов, Николы и Сергия, о русских пленниках, освобожденных московскими воеводами) имеет дословное совпадение с Казанской историей еще один фрагмент — описание заваленной трупами Казани после взятия ее русскими войсками.²⁴

Анализ эпизодов Казанской истории, имеющих значительные текстуальные совпадения с троицким текстом, представляет интерес в двух отношениях: во-первых, он позволяет установить, какие события в глазах автора Казанской истории не подлежали субъективной интерпретации, что он считал возможным и необходимым заимствовать из источников без изменения; во-вторых, анализ этих фрагментов помогает выявить приемы стилистической обработки автором Казанской истории заимствованного текста.

Как можно видеть из приведенного обзора сходных фрагментов троицкого сочинения и Казанской истории, автор последней использовал для своего повествования главным образом различные официальные речи и молитвы (царя, царицы, митрополита), чудеса и описания предусмотренных этикетом царского поведения действий Ивана Грозного (посещение им церквей перед выходом в поход и во время похода, распоряжения о получивших свободу русских пленниках и т. д.). Рассмотрим на конкретных примерах характер использования этого «этикетного» материала в Казанской истории.²⁵

Обратимся к содержанию одного из рассказов Казанской истории, в котором имеются прямые текстуальные совпадения со вторым троицким текстом — Повестью. Это рассказ о приходе в русский лагерь под Казанью незадолго до решающего штурма города двух посланцев из Троице-Сергиева монастыря и о встрече их с Иваном Грозным. В Казанской истории он составляет отдельную главу,²⁶ а в Повести выделен специальным заголовком.²⁷ В обоих текстах рассказ начинается с сообщения о приходе двух чернецов к царю, однако в Казанской истории при этом опущены некоторые подробности: не названо имя игумена Троице-Сергиева монастыря Гурия, отсутствует упоминание о братии при сообщении о том, кто послал иноков, иначе, чем в Повести — обобщенно и коротко, — говорится и о самих посланцах — «два инока»; троицкий же текст называет имя одного из них — «нѣкий чернець, именем Андрѣян Агтеловъ со единым братом».

²² См.: А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 6.

²³ Ср.: Казанская история, с. 120—121, 118, 122; А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 13—14.

²⁴ Ср.: Казанская история, с. 139—140, 142—143, 133, 156; А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 18—19, 20—21, 19—20, 23.

²⁵ При цитировании Казанской истории и троицкого сочинения страницы указываются в скобках по вышеназванным изданиям Г. Н. Моисеевой и А. Н. Насонова.

²⁶ «О посланных черноризцех из обители живоначальных Троица Сергиева монастыря. Глава 68» (с. 139—140).

²⁷ «О посланных из обители живоначальных Троица Сергиева монастыря» (с. 18). В «Летописце начала царства» и других летописях этот рассказ отсутствует.

В следующем за этим вступлением рассказе Казанской истории имеются значительные текстуальные совпадения с троицкой Повестью, однако рассказ Казанской истории намного короче и имеет иное построение. Проанализируем, что в нем совпадает с Повестью и что подверглось сокращению.

Совершенно идентично описываются в обоих памятниках принесенные иноками святыни и поведение царя при их получении.²⁸ Но уже в следующей за этим описанием молитве Грозного в Казанской истории дословно совпадает с Повестью лишь ее первая часть,²⁹ передающая основное содержание речи царя, обращенной к богу: радость его при виде иконы с изображением Богородицы и Сергия Радонежского и просьбу о помощи в предстоящем сражении за Казань.

Вторая часть этой молитвы в Казанской истории существенно реконструирована. Сравним тексты.

П о в е с т ь

...подаи побѣдительная на враги, и яко же иногда прадѣду нашему прогнѣвъ нечестивых на брани бывшу; уже брани хотящу быти и приспѣ от преподобнаго Сергия, твоего угодника, таковая же приносяще; онъ же святаго хлѣба вкусив и воду святую пив, и руце на небо простер: сицевая глаголюще: велико имя святаго троица, пресвятая госпоже богородице, помогай намъ. Тоя молитвами и преподобнаго Сергия и побѣди враги своя, тако же и аз нынѣ к тебѣ воию: велико имя святаго Троица, пресвятая госпоже богородице, помогай нам. И умоли, владычице, рождшагося ис тебе Христа бога нашего з безначальным его отцем и с пресвятым, благим и животворящим его духом, да подасть намъ побѣдительная на враги и ты, о преподобие угодниче Христовъ великий Сергие, не премолчи со ученики своими, вопия о нас ко господу, и ускори на помощь нашу. И яко же в началѣ святаго твоего храма и от святаго ти образа во градѣ Свияжскомъ всемиростивыи богъ тебе прослави, угодника своего, многими чудесы и многымъ челоѣком исцеление дарова, тако и нынѣ нам молитвами твоими помогай и яко же тамо нечестивым онѣмъ варваром являшеся, тако и нам, православным, явися и помози, нечестивым бо на нечистую их вѣру прогнание являшеся, нам же на враги побѣдительная своим явлением даруй о Христѣ Исусѣ госпode нашем, ему же слава, во вѣки вѣкомъ аминь (с. 19).

К а з а н с к а я и с т о р и я

...и подай же нам победительная на враги наша. И на пречистый образ тако же взирая, глаголаше: О, пресвятая госпоже богородице, помози нам ныне, грешным рабом твоим, моли владыку, Христа бога нашего, да подаст нам победу на противныя. И ты убо, преподобие отче Сергие, великий христов угодиче, ускори ныне на помощь нашу и помогай молитвами си, якоже иногда прадеду нашему на Дону на погананаго Мамая (с. 140).

Как видно из приведенного текста, в Повести после просьбы царя, обращенной к богу, послать ему победу над врагами следует развернутое сопоставление Иваном Грозным произошедшего события — получения им даров из Троице-Сергиева монастыря — с аналогичным эпизодом, имевшим место накануне Куликовской битвы. В Казанской истории в соответствующем месте указанное сопоставление отсутствует. Заимствованы лишь слова молитвы к богородице, которые в Повести произносит сначала прадед Ивана Грозного — Дмитрий Донской, а затем сам Грозный. При этом из заимствуемого текста молитвы Донского—Грозного убирается обращение к святой Троице.

Далее в Казанской истории, как и в Повести, следует обращение царя к Сергию чудотворцу. Эта молитва Грозного, как видим, также значительно сокращена по сравнению с текстом Повести и представляет собой своеобразный экстракт из него, передающий лишь основную мысль

²⁸ Ср. текст Казанской истории (с. 139) и троицкого сочинения (с. 18).

²⁹ До слов: «и подай же нам победительная на враги наша» (с. 140). Ср. в Повести: «подаи побѣдительная на враги» (с. 19).

моления царя — просьбу о помощи, но сохраняющий при этом дословную близость к тексту Повести.

Завершается молитва царя в Казанской истории ранее опущенным лаконичным напоминанием о роли Сергия в победе на Дону. После этого в обоих текстах следует фрагмент, связывающий рассказ о приходе троицких чернецов под Казань с повествованием о дальнейшем ходе осады города: после получения святых даров Иван Грозный начинает одерживать победу над казанцами. Эта мысль сформулирована в Казанской истории почти в тех же словах, что и в Повести,³⁰ однако в дальнейшем раскрывается она по-разному: в Повести идет перечень военных успехов, достигнутых русскими сразу же после получения троицких святынь, а в Казанской истории вместо этого следует рассказ о казанцах, которые «при-скорбни быша. . . до смерти» из-за нехватки в городе «пушечного зелья».

Как видно из сопоставительного анализа Казанской истории и троицкой Повести, данный рассказ в Казанской истории претерпел существенные изменения. Сохранив все ключевые моменты сюжета, автор Казанской истории сделал свое повествование значительно короче и придал ему иное звучание.

Обратим внимание на тот материал Повести, который остался неиспользованным в Казанской истории. Отсутствующие в ней фрагменты троицкого текста можно разделить на две группы. К первой относятся те сокращения, которые связаны с Троице-Сергиевым монастырем и образом самого Сергия. Они последовательно проводятся автором Казанской истории на протяжении всего рассказа: не упоминаются имена троицкого игумена Гурия и келаря Адриана Ангелова, убирается развернутый рассказ о получении Дмитрием Донским даров из Троице-Сергиева монастыря накануне Куликовской битвы, отсутствует рассказ о чудесах Сергия в Свияжске, а перечень военных удач, последовавших после получения царем троицких святынь, заменен рассказом о горестях казанцев. При этом все сокращения произведены так умело, что почти нигде не чувствуется «швов», лишь в одном месте редакторская работа обнаруживает себя в некотором противоречии: опустив рассказ о Дмитрие Донском и его молитву, традиционно обращенную к богородице и — поскольку святые дары были присланы ему из Троице-Сергиева монастыря — к св. Троице, автор Казанской истории для сохранения логичности повествования перед молитвой Грозного вводит в свой текст отсутствующую в Повести фразу: «И на пречистыя образ тако же взирая, глаголаше. . .», как бы забывая при этом, что на иконе, перед которой молится царь, изображена не только богородица, но и «образ живоначальные Троицы», о чем он сообщает в начале своего рассказа, где дословно передает текст Повести.

Какова же общая направленность рассмотренной группы сокращений? Сопоставляя тексты Повести и Казанской истории, нетрудно заметить, что авторы их, излагая историю посещения троицкими иноками русского лагеря под Казанью, ставили перед собой разные идейно-художественные задачи. Для автора Повести, выходца из Троице-Сергиева монастыря (возможно, самого Адриана Ангелова), важно было подчеркнуть в своем рассказе значение Троицкой обители и ее «патрона» Сергия в исторической победе над Казанским царством. Эта тенденция, как показал А. Н. Насонов,³¹ прослеживается по всему тексту Сказания и Повести. Поэтому рассказ о посланцах «от преподобнаго Сергия» накануне двух исторических событий — Куликовской битвы и Казанского взятия — приобретает в Повести самодовлеющее значение. Троицкий автор подробно описывает ритуал «вкушения» Дмитрием Донским святых даров из Сергиева монастыря, подчеркивает в его молитве, а затем и в молитве

³⁰ Ср. текст: Повесть, с. 19; Казанская история, с. 140.

³¹ Материалы, с. 241—243.

и устойчивые формулы богослужебного текста. Эта тенденция в стилистической обработке текста троицкого сочинения прослеживается и в других перечисленных выше фрагментах Казанской истории, заимствованных из Сказания и Повести. Подобная стилистическая обработка троицкого текста также связана с отказом от церковности, который мы отметили выше у автора Казанской истории.

То же стремление к переосмыслению образов, содержащихся в тексте источника, явственно ощущается и в другом фрагменте Казанской истории — рассказе о прощании Ивана Грозного с царицей Анастасией перед выходом в казанский поход, имеющем значительные текстуальные совпадения с аналогичным рассказом троицкого Сказания и «Летописца начала царства». В этом отрывке Казанской истории дословно совпадают с троицким Сказанием и «Летописцем начала царства» следующие фрагменты. 1. Речь царя, содержащая наставления царице. 2. Описание поведения царицы, узнавшей о предстоящей разлуке с мужем. 3. Ответная речь Анастасии. Однако только второй из трех названных фрагментов по своему объему полностью совпадает с соответствующим фрагментом Сказания, обе же речи — и Грозного, и Анастасии — в Казанской истории значительно сокращены по сравнению с троицким и летописным текстом: в речи Грозного отсутствует вся первая ее часть, где царь рассуждает о «сладости» смерти за христианскую веру,³³ а в речи царицы Анастасии отсутствует большая молитва к богородице, которой завершается этот эпизод в Сказании и «Летописце начала царства».³⁴

Вместе с тем данный рассказ Казанской истории полнее троицкого и летописного рассказов, так как содержит дополнительный фрагмент, в котором описывается жизнь царицы в отсутствие Грозного. В этом эпизоде Анастасия предстает не только как великая княгиня, но и как любящая женщина, страдающая от разлуки с мужем: «Благоверная же царица его Анастасия. . . возвратився в полаты своя, аки ластовица во гнездо свое, с великою тугою и печалию, и со многим сетованием, аки светлая звезда темным облаком скорбию и тоскою прикрывся в полате своей, в ней же живяше, и вся оконца позакры, света дневнаго зрети не хотя, доколе царь с победою возвратится, и в посте и в молении пребываше, день и ночь бога моля о супруге своем. . .» (с. 118).

В контексте рассказа Казанской истории внесенное автором описание затворнической жизни Анастасии углубляет и конкретизирует образ царицы, который начинает складываться уже из ее речи, представляющей соединение плача и молитвы. Следуя в целом за текстом источников, автор Казанской истории в данном фрагменте — плаче царицы — не просто сокращает заимствуемый текст, но существенно его изменяет, придавая всему фрагменту совершенно иное звучание.

В своей речи царица Анастасия во всех трех произведениях сначала восхваляет благочестие царя и его готовность пострадать за православный народ, затем сетует на разлуку, которая им предстоит, и, наконец, обращается с молитвой к богу. Центральная часть этого фрагмента содержит серию риторических восклицаний, развивающих тему разлуки.

С к а з а н и е

. . . аз же како стерплю отшествие своего государя или кто ми утолит горкую сию печаль или кто ми принесет и возвѣстит великую от бога милость на благочестивом моем государе, яко благочестивый царь и всеа Русии самодержец от вседержителя и всемилостиваго бога милость получи и со всемъ

К а з а н с к а я и с т о р и я

. . . аз же, свете мой драгий, како стерплю на долго время разлучение твое от мене; или кто ми утолит горкую мою печаль; или кая птица в час един прилетет путя того долготу

³³ Этот текст почти без изменений использован автором Казанской истории в другом месте — в речи Грозного, обращенной к боярам на совете в Москве. См. главу 50 Казанской истории «Совет з бояры своими царя и великаго князя» (с. 115).

³⁴ Ср. тексты: Сказание, с. 14; «Летописец начала царства», с. 79; Казанская история, с. 118—119.

своим христоролюбивым воинствомъ брався с нечестивыми и одолѣи на свое царство здравъ возвратися (с. 14).

возвестити ми сладкую вѣсть здравия твоего, яко ты с поганимъ брався и одолѣи возможши (с. 118).

Из сопоставления приведенных фрагментов видно, что автор Казанской истории заимствует основное содержание плача Анастасии и его риторическую форму из Сказания (или Летописца). Однако дословно он повторяет только риторический вопрос царицы: «...кто ми утолит горючую мою печаль?», в остальном же тема плача раскрывается им иначе. Во-первых, в Казанской истории Анастасия обращается со своими сетованиями непосредственно к Грозному, называя его «свете мой драгий», в то время как в Сказании она говорит о царе в третьем лице, называя его официально-торжественно: «государь»; во-вторых, в риторический вопрос царицы — кто будет вестником победы ее мужа — вводится фольклорный образ птицы, придающий ему иное звучание и другой смысловой оттенок: царица горюет оттого, что ее супруг будет находиться от нее так далеко, что никакая птица не сможет долететь до нее и принести вести о нем; в-третьих, другим лексическим набором передается содержание известия, которое Анастасия хотела бы получить с поля брани: вместо «великой от бога милости на благочестивом... государе» царица в Казанской истории хочет услышать «сладкую вѣсть» о здоровье своего мужа и его победе над врагом.

В результате такой переработки текста источников автором Казанской истории образ Анастасии становится более живым и человечным, при этом его книжная этикетность уступает место фольклорной традиции, создавшей образ женщины, страдающей в разлуке с любимым.

Рассмотрим еще один характерный пример стилистической обработки троицкого текста в Казанской истории — описание Казани после взятия ее русскими войсками, помещающееся в конце 83-й главы Казанской истории «О падении храбрых казанцев». Сопоставление этого фрагмента Казанской истории с соответствующими описаниями «Летописца начала царства» и троицкой Повести показывает, что в основе рассказа Казанской истории лежит троицкий текст, а не текст Летописца.

Летописец начала царства

А побитых во граде толико множество во граде лежаше, яко по всему граду не бѣ где ступати не на мертвых. За царевым же двором, гдѣ на бѣгство предалися ис стѣн градцких, и по улицам костры мертвых лежаше с стенами градными ровню. Рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше и по Казань реку и в рекѣ и за рекою по всему лугу мертви погании лежаше (с. 108).

Сказание

... нечестивых же убо толико побиа, яко убо внутрь града стѣнѣ толико мертвых нечестивых онѣхъ казанских татар лежаше, яко з градными стѣнами сравнятся трупи мертвых, во градных же вратѣх и во градѣ яко громады мертви лежаху, за градом же во рвѣхъ и по Казани реце и за Казанию рѣкою безчисленно множество мертвых бысть (с. 23).

Казанская история

И бе видети, яко высокия горы, громады же великия побитых казанцев лежащих, яко внутре града з градными стенами сравнитися, и во вратех же градных, и в проломах, и за градом в ровех, и в потоцех, и в кладязех, и по Казани реке, и по-за Булаку, по лугом, безчисленно мертвых бысть (с. 156).

Как видно из приведенных цитат, данный фрагмент Казанской истории в основе своей содержит текст, дословно близкий тексту троицкой Повести, но обнаруживающий следы творческой переработки его автором Казанской истории. Она выразилась, во-первых, в снятии повторов и сокращении текста, носящем стилистический характер. В троицком тексте пять раз в разных вариантах говорится о многочисленных трупах, переполнивших Казань: «Нечестивых же убо толико побиа...», «толико

мертвых нечестивых онѣхъ казанских татар лежаще. . .», «яко з градными стѣнами сравнятся трупиe мертвых», «яко громады мертви лежаху», «. . . безчисленно множество мертвых бысть». В Казанской истории об этом говорится только дважды — в начале и конце фрагмента — и значительно короче: «. . . громады же великия побитых казанцев лежащих. . .», «. . . безчисленно мертвых бысть».

Во-вторых, автор Казанской истории вносит в свое описание дополнения и уточнения, усиливающие в нем экспрессивное начало: тела убитых казанцев, по рассказу Казанской истории, заполняли не только рвы, окружающие город, но и «потоки», и «колодцы»; их было много «и по-за Булаку, по лугом». Автор дополняет троицкий текст определениями, усиливающими сравнение: «. . . яко высокия горы, громады же великия побитых казанцев лежащих. . .»

Изменена в Казанской истории и композиция фрагмента, что придало ему большую, чем в Повести, стройность. Композиционные изменения выразились в перенесении автором Казанской истории из середины фрагмента в его начало второй части сравнительной конструкции «кучи трупов—высокие горы», отчего весь фрагмент в Казанской истории приобрел большую стройность и легкость, чем в Повести.

Отметим, что, рассказывая о покоренной Казани, автор Казанской истории считал недостаточным ограничиться только текстом Повести. Вслед за рассмотренным фрагментом он вводит свое собственное описание, придающее картине покрытого трупами города еще более зловещий характер: «. . . яко и сильному коню не могущу долго скакати по трупию мертвых казанцев, но вседати воином на иныя коня и пременитися.³⁵ Реки, иже по всему граду крови их пролиашася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевные воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию смеситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды, конем же и людем в крови до колѣну бродити» (с. 156).³⁶

Это стремление автора Казанской истории к созданию зримых, полных конкретности описаний отчетливо проявляется во многих главах Казанской истории. В двух рассмотренных нами случаях — в рассказе о царице Анастасии и в описании Казани после ее взятия — проявление этой тенденции особенно показательно, так как оригинальные фрагменты Казанской истории здесь появляются рядом с заимствованным текстом. Это свидетельствует о том, что автор Казанской истории ощущал несоответствие своего художественного замысла и общей направленности повествования в тексте источника, поэтому он не только редактировал его, но и дополнял оригинальными фрагментами. Эти развернутые дополнения либо художественно усиливали описание источника, либо придавали ему иное звучание.

Эта тенденция автора Казанской истории к развертыванию текста источника особенно заметна в тех фрагментах, в которых сходство с троицким текстом обнаруживается лишь на уровне фактулы. Там, где троицкий автор лишь сообщает в строгой летописной манере о каком-то факте, автор Казанской истории стремится изобразить происходящее, создать яркую и живую картину, в которой конкретные наблюдения соединяются

³⁵ Возможно, данное замечание автора Казанской истории основано на тексте «Летописца начала царства», в котором есть сходный мотив: «яко по всему граду не бѣ где ступати не на мертвых» (с. 108). Однако образ, использованный автором Казанской истории для передачи той же мысли, оригинален и основан, по-видимому, на личных наблюдениях автора.

³⁶ Комментируя этот фрагмент Казанской истории, А. С. Орлов обратил внимание на соединение внутри него традиционных литературных образов («реки крови») с образами, в которых слышатся «отзвуки песни и живого просторечия» («потоки слез», сравнение застоявшейся крови с дождевой водой). См.: А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 4, с. 354—355.

с риторическими украшениями. Как правило, автор Казанской истории наполняет такие фрагменты многочисленными сравнениями и цитатами из Священного писания, которые вкладываются в уста главных действующих лиц. Иногда подобные описания строятся с использованием традиционных приемов воинского повествования. Приведу два примера.

И в Сказании и в Казанской истории отмечен факт выхода из Москвы для взятия Казани русского войска во главе с Иваном Грозным,³⁷ однако в Сказании это всего лишь краткое сообщение, тогда как в Казанской истории перед нами яркое, полное риторики описание, построенное в то же время на конкретных наблюдениях.

Сказание

...и поиде (Иван Грозный, — Т. В.) на Коломну, а с нимъ брат его князь Владимир Онд-рѣвичъ и бояре сво и вое-воды и люди многие (с. 14).

Казанская история

И повелевает (Иван Грозный, — Т. В.) привести к себе великий свой конь и вседает на нь, глаголюще пророческое слово: Ревновах и поревновах по господе бозе, вседержителе моем.³⁸

Всedaют же на своя коня сильная вси князи, и воеводы, и храбрыя воины, и седше вскоре, яко высокопарныя орли, полетевше изо очию безчисленнаго множества народа московскаго, борзо идущи и друг друга женуши, и друг друга состязающи, яко на царев пир позвани царем радующиися, идяху (с. 121).

На то, что за данным фрагментом Казанской истории стоят реальные наблюдения автора, отчасти указывает сходное описание передвижения русской походной колонны, содержащееся в записках Флетчера: «... все кричат, как бешеные, едут без всякого порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство».³⁹ Однако то, что в глазах иностранца было беспорядком, проявлением дикости, неорганизованности русского войска, под пером автора Казанской истории превращается в энтузиазм, воинское рвение московских воевод, спешащих на покорение Казани, как на царский пир.

Вторая часть троичного сочинения — Повесть — начинается с рассказа о переправе русского войска через Волгу вблизи Казани и первой победе русских над казанцами. Эти события описываются и в Казанской истории.⁴⁰ Однако рассказ Казанской истории существенно отличается от троичного рассказа. В Повести первое сражение русских с казанцами описано весьма лаконично. Автор одной фразой сообщает о выходе казанцев из города навстречу московскому войску и с помощью клише «и бысть брань велика» характеризует произошедшее военное столкновение. Далее столь же лаконично и обобщенно сообщается о больших потерях с каждой стороны («И многие люди от обоих падоша») и конечной победе русских («божиею милостию» побивших «многих татар» и захвативших пленников («а иных живых руками яша»)).

Автор Казанской истории, напротив, не ограничивается коротким сообщением: мы находим в Казанской истории подробный рассказ об этом сражении. Он строится по следующему плану. Сначала сообщается длительность (три часа) и место боя («на великом лузе цареве у Гостиного острова»), затем описываются основные его этапы — столкновение ка-

³⁷ Сцена отъезда Грозного из Москвы в «Летописце начала царства» сведена к одной фразе: «И восходить на конь свои и шествуетъ, аможе богомъ наставлен, и поидет государь к селу своему Коломенскому» (с. 80).

³⁸ Г. З. Кунцевич указал источник этого изречения. Оно взято из 3-й Книги царств, гл. 19, стих 10. «И рече Илия: ревнуя поревновах по господе вседержителе» (по Острожской библии 1581 г.). См.: К у н ц е в и ч, с. 414.

³⁹ К у н ц е в и ч, с. 413.

⁴⁰ В главе 58 «Повеление царя и великаго князя воеводам перезвозитися Волга и о брани с казанцы на вьстрече», с. 125—126.

занцев с ертаульным полком и отступление последнего, поддержка ертаульного полка с тыла «варварами» передового полка, окружение казанцев русским воинством и бегство казанского царя с поля боя. При этом автор Казанской истории не только повествует, но и описывает. Внутри рассказа о ходе сражения он помещает развернутое описание поля боя, состоящее в основном из традиционных формул воинских повестей: «...и паки бывает брань, не худа и мрачна, вооружаются яростию, и велик шум на высоту взимается, и мнози ото обою страну падоша, аки цветы прекрасны. ...и един удержаваше сто, а два — тысящу» (с. 126). Число примеров подобного превращения автором Казанской истории скупых летописных сообщений троицкого сочинения в красочные описания можно было бы легко увеличить.

Подведем некоторые итоги проделанного сопоставительного анализа. Сравнение фрагментов Казанской истории и троицкого сочинения, имеющих дословные совпадения, показывает, что автор Казанской истории не механически заимствовал отдельные эпизоды из Сказания и Повести: в одних случаях он сокращал текст источника, в других добавлял к нему заимствованные из других литературных источников или им самим составленные фрагменты, в третьих заменял отдельные элементы троицкого текста другими, меняющими его стилистическую окраску.

Анализ сокращений, сделанных автором Казанской истории в троицком тексте, показал, что они направлены главным образом на то, чтобы придать повествованию более светский характер, сконцентрировать внимание читателя на исторических событиях и фигуре Ивана Грозного — главного героя повести. Об этом свидетельствует то, что в Казанской истории сокращаются прежде всего молитвы: иногда из них удаляется целый фрагмент, иногда несколько фраз, в отдельных же случаях опускается полностью вся молитва (например, молитва Анастасии к богородице, произносимая царицей в Сказании при прощании с Грозным).

Той же цели в конечном счете служит и вторая группа выявленных нами сокращений троицкого текста, которые можно условно назвать стилистическими. Как было показано на нескольких примерах, число которых можно увеличить, автор Казанской истории последовательно редактирует текст источника, часто сокращая не фразы, а части фраз, отдельные слова и словосочетания, представляющие собой смысловые повторы или длинные этикетные определения, которыми обычно сопровождаются в троицком тексте имена богородицы, Христа, преподобного Сергия и других святых. В результате такого «очищения» троицкого текста от элементов церковной риторики обнажается основной смысловой ряд повествования, и внимание читателя переключается с религиозных ламентаций на ход исторических событий.

Особый интерес представляют дополнения, вносимые автором Казанской истории в заимствуемый текст троицкого сочинения. Их можно разделить на две группы. Первую составляют лаконичные замечания (одна—две фразы, иногда — несколько слов), имеющие уточняющий, конкретизирующий характер. Вторую — развернутые фрагменты, представляющие законченные сцены, характеристики или описания. И те и другие свидетельствуют о высоком художественном мастерстве автора Казанской истории, о его стремлении не просто передать сумму фактов, но занимательно рассказать об исторических событиях, очевидцем которых он был, используя достижения разных жанров письменной литературы и образы устного народного творчества. Как соединялись в тексте Казанской истории эти разнообразные художественные традиции? Ответ на этот вопрос может дать только целостное исследование всего текста Казанской истории.